

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ МОНГОЛИИ

ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК VIII

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2015

Главный редактор:
доктор исторических наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Л.Н. Ермоленко**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов**;
доктор исторических наук **Т.Д. Скрынникова**;
доктор философских наук **О.М. Хомушку**;
доктор исторических наук **Л.И. Шерстова**;
доктор исторических наук **С.А. Яценко**

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. VIII. – 316 с.: ил.
ISSN 2307-4671

В журнале представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

Издание подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2015

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL AND RELIGION
SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION
HOVDSKIY STATE UNIVERSITY
MINISTRY OF EDUCATION, CULTURE AND SCIENCE OF MONGOLIA

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VIII ISSUE

Barnaul – 2015

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences);
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences);
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences);
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences);
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences);
S.A. Yatchenko (Doctor Historical Sciences)

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2015. – VIII issue. – 316 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Вадецкая Э.Б.</i> Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры.....	7
<i>Дашиковский П.К.</i> Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II.....	20
<i>Илюшин А.М.</i> Кенотафы и полуkenотафы в культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.....	29
<i>Кожя М.Б.</i> Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса	34
<i>Король Г.Г.</i> Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой торевтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая.....	47
<i>Миягашев Д.А.</i> Окуневские святилища в контексте изучения культовых мест Сибири.....	63
<i>Мунхбат Д.</i> Первые формы религиозных верований, возникших среди древних монголов	73
<i>Нуржанов А.А., Муратова С.Е.</i> Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI–XIII вв.).....	79
<i>Рыбаков Н.И.</i> Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея: VIII–X вв.	93
<i>Сериков Ю.Б.</i> Мегалитические культовые объекты древнего Урала	101
<i>Терновая Г.А.</i> К вопросу о культе огня в погребально-поминальной обрядности средневековых жителей Семиречья (по материалам археологии).....	122

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Традиции охраны и сбережения водных ресурсов у туркмен.....	138
<i>Гельдыниязова О.А.</i> Символика казана у туркмен	152
<i>Монгуш М.В.</i> Христианские общины Тувы: краткий очерк	159

<i>Осмонова Н.И.</i> Слово как символ в традиционной культуре кыргызов	175
<i>Тишков Ю.В.</i> Святилище «Семь менквов» в мифологических представлениях народа манси	189
<i>Ямаева Л.А.</i> Реликты доисламских верований в погребальной обрядности башкир	202

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Брежнева С.Н.</i> Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империей в Туркестане.....	211
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Православные школы в сельской общественной жизни Алтая конца XIX – начала XX в.	223
<i>Дашковский П.К., Зиберт Н.П.</i> Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х – начале 1980-х гг.	230
<i>Дашковский П.К., Шершнева Е.А.</i> Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	242
<i>Жанбосинова А.С.</i> Кампания по изъятию религиозных ценностей в 20-е гг. XX в. как метод борьбы с культом	264
<i>Кацаева М.В., Белецкий А.Ю.</i> Состояние католических общин на Алтае в конце XIX – XX в.	276
<i>Почекаев Р.Ю.</i> От тамги к закяту. Торговые налоги в Средней Азии: между религией и правом (от державы Тимуридов до протекторатов Российской империи)	283

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

<i>Руденко К.А.</i> Рецензия на книгу: Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии	294
---	-----

Раздел V. ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

<i>Дашковский П.К.</i> Вторая международная научная конференция «Религия в истории народов России и Центральной Азии» в Барнауле	302
Список сокращений	307
Сведения об авторах	309

Раздел III
ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.Н. Брежнева

Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПО-РУССКИ: ИЗ ИСТОРИИ
ПРОВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В ТУРКЕСТАНЕ

Межконфессиональные отношения на территории единого государства всегда были в центре внимания общественности. Особенно актуален этот вопрос в настоящее время, когда существует реальная угроза исламского фундаментализма. Поэтому опыт сосуществования двух мировых религий – христианства и ислама – в пределах одного государства приобретает особое звучание. В статье проанализирована религиозная политика Российской империи в Туркестанском крае. На протяжении всего существования Туркестанского генерал-губернаторства (1867–1917 гг.) религиозная политика русской власти, по сути, не претерпела изменений, ориентируясь на концепцию «игнорирования ислама», выдвинутую первым туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом. При его преемниках неоднократно предпринимались попытки пересмотра религиозной политики, однако каких-либо радикальных шагов не последовало. Автор приходит к выводу, что отсутствие гибкости в межконфессиональных отношениях со стороны русской администрации стало причиной радикализации массовых волнений на территории края, имевших религиозную окраску, что привело к самому мощному восстанию туркестанских мусульман в 1916 г.

***Ключевые слова:** Туркестанское генерал-губернаторство, Российская империя, ислам, христианство, религиозная политика, «игнорирование ислама», Андижанское восстание 1898 г., восстание 1916 г.*

В настоящее время большой интерес отечественных историков вызывает так называемая *имперская идея*: всплеск интереса к имперской проблематике, ее смысловому значению, институциональному оформлению, формам проявления на российском геополитическом пространстве. Данная концепция применительно к истории национальных окраин Российской империи активно обсуждается историками и публицистами на страницах периодических изданий, в научной

литературе. Это в полной мере относится к описанию взаимоотношений российских властей с населением присоединенного Туркестана.

Новым аспектом изучения проблемы в современной российской историографии вопроса можно считать использование «исламского фактора» для объяснения поведения русской администрации, а также демонстрации его использования в англо-русской борьбе за регион. Если в дореволюционной историографии данному аспекту и уделялось внимание, хотя и явно недостаточное, то в советской историографии в эпоху господства атеизма этот вопрос вообще игнорировался. А ведь ислам – это основа политики всех мусульманских государств. Слитность религии и политики является важнейшей особенностью исламских стран. Игнорирование исламского фактора многими политиками привело к негативным последствиям, а сами мусульманские государства – к стремлению к исламскому фундаментализму. Все это следует учитывать сейчас, когда мир находится под угрозой терроризма. Ведь игнорирование исторических событий, неспособность понять их и принять к сведению могут привести к крайне негативным последствиям.

При наступлении на Центральную Азию как русские, так и англичане сталкивались с особым религиозным фундаментом, сформировавшимся тысячелетиями, от взаимоотношения с которым зависело дальнейшее взаимодействие с колонизируемой территорией.

В Средней Азии и Афганистане ислам, как внутренне сильная и тотальная религия, охватывавшая все стороны жизни, «сливающаяся воедино с политикой, с государством, доходящая в религиозном рвении до нетерпимости, был в наибольшей мере консервативен и в наименьшей степени поддавался внутренней трансформации» (Харюков Л.Н., 1995, с. 3–4). Эти обстоятельства, конечно, учитывались и Англией, и Россией при осуществлении экспансионистской политики. Однако если корректировка британской колониальной политики происходила на интуитивном уровне, методом проб и ошибок, то для России было свойственно иное восприятие исламских религиозных традиций. Россия обладала историческим опытом не только общения с мусульманским миром, но и совместного проживания с ним в рамках единого государства. Перед вторжением в глубь Туркестана Россия извлекла уроки из Кавказской войны, в ходе которой она вплотную столкнулась с внутренней силой ислама, с его установками на непримиримость к инаковерию и воинственностью, с фанатичной готовностью сражаться за свой привычный образ жизни, доводя дело до священной войны – газавата. Этот опыт в полной мере был использован русской

администрацией в Туркестане, которая проводила свои действия с учетом религиозной терпимости и считаясь с исламскими традициями.

Исламский фактор в русской политике являлся одним из определяющих. На это указывает и ряд изученных нами архивных документов. Интересы и права коренного населения не были ущемлены. Напротив, был оставлен шариатский суд, местные мактабы и медресе. Можно сказать, что речь шла о своего рода негласном компромиссе. Этому было очень серьезное объяснение. Дело в том, что к тому времени регион находился в глубоком кризисе. В связи с открытием новых путей в Индию и освоением ее англичанами «Шелковый путь» потерял былое значение, прежние торговые связи распались, и экономика все больше скатывалась к застою. За этим, естественно, следовала и политическая нестабильность. Оттого-то восточная элита и соглашалась на компромисс с Россией и, поступаясь частью своего суверенитета, выигрывала в стабильности под эгидой русского царя. А покой в обществе – это главное, что, согласно мусульманской религии, оправдывает светскую власть.

Действия русской администрации можно квалифицировать как уважение к традиционной религиозной жизни, учету исламского фактора. Следует подчеркнуть, что, несмотря на отрицательное отношение к исламу, российская администрация относилась к нему довольно терпимо.

В Туркестанском генерал-губернаторстве, созданном в 1867 г., гражданская администрация находилась в ведении Военного министерства, а в местном управлении и суде сохранялись элементы, оставшиеся от времен, предшествовавших российскому завоеванию. Первый генерал-губернатор К.П. фон Кауфман с начала своего правления (1867–1882 гг.) предлагал полностью игнорировать факт существования мусульманства в крае. При этом он полагал, что христианство с мусульманством никогда не смогут мирно сосуществовать. «Терпеть, но не охранять мусульманскую веру, не признавать никакой ее духовной иерархии» (цит. по: Дякин В.С., 1995, с. 134). Кауфман утверждал, что в этом случае ислам «развалится» от «заявленного и выдержанного к нему призрения». Таким образом, религиозная политика Кауфмана предусматривала четкое отделение административной сферы от духовной. Исламские институты игнорировались как политическая сила, но за ними устанавливался государственный контроль. Кауфману удалось до конца выдержать эту линию, соблюдали ее и его последователи.

В результате духовенство сохранило связи с Бухарским эмиратом и Турцией, оставшись вне какого-либо надзора русских властей.

В Туркестанском крае не было никакого специального органа по управлению мусульманами. Жизнь российских мусульман контролировал Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, главной задачей которого была обязанность поддержания принципа полной терпимости. Однако Департамент не затрагивал собственно религиозные стороны ислама, что способствовало сохранению безраздельного влияния этой религии на территории Туркестана. Политика Кауфмана «невмешательства и игнорирования ислама» привела к тому, что в годы его генерал-губернаторства восстания под исламскими или антироссийскими лозунгами были большой редкостью.

Однако ряд мер царской администрации наносил прямой ущерб устоям мусульманской религии и вызывал недовольство не только мулл, но и всего населения. Так, например, большое недовольство вызвало объявление в 1874 г. о ликвидации вакуфных земель (земли, завещанные владельцами с разрешения хана религиозным организациям), передаваемых в государственную собственность, и отмена закята (обязательный годовой налог в пользу бедных), являвшегося, как известно, одним из пяти столпов ислама, предусмотренных Кораном.

Еще при жизни К.П. Кауфмана его религиозная политика вызывала сомнения в ее эффективности у многих представителей власти. Главным его оппонентом являлся первый военный губернатор Туркестанской области генерал-майор М.Г. Черняев. Еще в бытность военным губернатором, генерал-майор выступал за активное сотрудничество с исламской элитой, полагая, что в союзе с ней легче будет примирить местное население с новой властью. После взятия Ташкента летом 1865 г. им был выпущено «Воззвание к населению», в котором он объявлял об освобождении всех жителей и требовал от них беспрекословного уважения мусульманского духовенства и строгого соблюдения норм шариата (ГИМ ОПИ, ф. 307, ед.хр. 42, л. 2об.). Ташкентские жители видели в лице Черняева не только храброго воина (что всегда ценилось на Востоке), но и правителя, уважавшего мусульманские обычаи. Он был прозван ими «Ташкентским львом».

После смерти К.П. Кауфмана в 1882 г. М.Г. Черняев был назначен императором Александром III генерал-губернатором Туркестанского края. На назначение «Ташкентского льва» на высокую должность мусульманская элита возлагала большие надежды. В январе 1884 г. была образована Комиссия для выработки проекта особого духовного управления для мусульман края, состоявшая не из чиновников из администрации, а из мусульманских богословов и правове-

дов края. Проекту не суждено было осуществиться: после отставки М.Г. Черняева в 1884 г. комиссия была распущена, а вопрос о местном духовном управлении был передан для решения в Министерство внутренних дел.

Государственный принцип Российской империи по управлению национальными окраинами не включал в себя обращение в православие присоединенных народов. Тем самым и царская администрация, и руководство Русской православной церкви заняли отрицательную позицию в отношении христианизации народов Средней Азии. Вместе с тем российская администрация стремилась воспрепятствовать распространению ислама среди киргизов-кочевников.

Знаток азиатской психологии А.П. Хорошхин (1876, с. 25), занимавший в Туркестанском крае различные должности по военному народному управлению, не раз говорил о необходимости упрочения русского влияния среди тех народов, которые уже находятся в русском подданстве, «иначе цель правительства – умиротворить край – не будет достигнута». Большую опасность, по его мнению, представляла пропаганда ислама среди горного кочевого населения, еще полностью не определившимся в своих религиозных пристрастиях. В свое время об этом предупреждал дипломатический чиновник при оренбургском и самарском генерал-губернаторе М.Н. Галкин, который в своей записке «Некоторые замечания о киргизах в отношении их к России» писал: «Киргизы не имеют никакой религии, но они считают себя мусульманами, однако большая их часть не имеет представления об этой религии» (ГАРФ, ф. 730, оп. 1, д. 341, л. 4). Между тем они считаются подданными России, хотя сами называют себя подданными эмира. Поскольку Бухарский эмират представляет собой центр мусульманского фанатизма, то приверженность кочевого населения мусульманской вере, как считал М.Н. Галкин, представляет собой большую опасность для России.

Из преемников К.П. фон Кауфмана, пожалуй, только один Н.О. фон Розенбах (1884–1889 гг.) проявил внимание к вопросу о противодействии исламизации кочевников. В июле 1884 г. при нем была образована специальная комиссия под председательством генерал-майора Н.И. Гродекова, считавшегося знатоком кочевого населения Туркестана. Несмотря на выработку данной комиссией ряда полезных идей и решений, результаты ее работы реализованы не были.

В 1886 г. при Розенбахе было утверждено «Положение об управлении Туркестанским краем», на основе которого царские власти изъяли большое количество земель, принадлежавших кочевому насе-

лению, и создали земельный фонд для раздачи русским поселенцам (ПСЗРИ, 1886, с. 341). «Положение» вводило независимые от туркестанской администрации областные суды и прокурорский надзор при них (ПСЗРИ, 1888, с. 329). В конечном счете, это привело к падению авторитета российской власти, ослабив ее контрольные функции. В связи с децентрализацией отмечалось ослабление нравственности со стороны местного населения и отсутствие ответной реакции русских властей. Все это вносило в религиозную политику элемент стихийности. Однако при этом ни у кого не вызывало сомнения продолжение проведения в жизнь концепции Кауфмана о «невмешательстве и игнорировании».

Ухудшение отношений с мусульманским духовенством произошло при новом туркестанском генерал-губернаторе А.Б. Вревском (1889–1898 гг.), который потребовал при чтении намаза произнесения «молитвы за царя». Текст молитвы был сочинен Главным инспектором училищ Туркестанского края Ф.М. Керенским. Это привело к осложнению отношений с мусульманской элитой.

Регресс религиозной политики сказался на внутривластной обстановке. Летом 1892 г. во время холерной эпидемии в Ташкенте вспыхнуло мусульманское восстание. Несмотря на его быстрое подавление, волнения среди мусульманского населения имели место в различных местностях края. Глубокого анализа причин этих локальных выступлений со стороны российской администрации проведено не было. А.Б. Вревский считал, что переход от хараджной системы (*харадж* – натуральный налог с зерновых культур) к поземельному налогу был совершен без достаточно тщательной подготовки и потому вызвал недовольство значительной части населения (РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 374, л. 20).

Игнорирование религиозного фактора и нежелание русской администрации разобраться в существе вопроса стали причиной восстания 1898 г. в Ферганской долине, известного под названием Андижанского восстания, а в некоторых документах и работах – как «восстание Дукчи-ишана» или «восстания Мадали-ишана». Оно детально описано В.П. Сальковым (1901) в работе «Андижанское восстание в 1898 г.». Руководитель Андижанского восстания Мадали-ишан принадлежал к тому кругу служителей культа, которые стремились использовать сложившуюся ситуацию для усиления мусульманского фанатизма среди населения. Как пишет В.П. Сальков, у ишана были свои счеты с русскими и обиды личного характера. В Андижане накануне восстания царило сильное возбуждение, всюду наблюдались

большие скопления народа. 12 мая 1898 г. Мадали-ишану передали фирман турецкого султана, золотое кольцо и зеленое знамя ислама для объявления священной войны против неверных (газавата). 17 мая отряд Мадали-ишана в составе 500 человек (а по некоторым сведениям – 2000), вооруженный шашками, кинжалами, серпами, ножами и копьями, двинулся из кишлака Мингтепа на Андижан. По пути к ним присоединились жители кишлаков, расположенных вдоль дороги. Отряд рос, в его составе появились и всадники. 18 мая повстанцы напали на казармы русского гарнизона. В завязавшемся сражении было убито 22 русских солдата, но все же войскам удалось отбить атаку и рассеять повстанцев. Сам руководитель восстания бежал, бросив свой отряд. Его поймали к вечеру следующего дня в с. Чарвак в 100 км от Андижана.

В Фергану прибыл один батальон пехоты с двумя сотнями казаков, все русское население городов Ферганской долины и служащие железной дороги, а также «преданные русским властям туземцы» были вооружены винтовками «бердан». Как пишет В.П. Сальков (1901, с. 69), «...благодаря только этим скорым мерам восстание было сдержано в самом зародыше и не имело дальнейшего распространения». Андижанское восстание вызвало переполох среди царских чиновников. Был отдан приказ арестовать всех участников, активных и пассивных. Аресты были произведены в Намангане, Маргилане, Оше, Андижане, Фергане, в горных районах. «Войска и администрация не знали покоя... везде производились самые деятельные розыски. Только и слышно было об арестах» (Сальков В.П., 1901, с. 73). Это восстание было одним из самых мощных антирусских выступлений.

Начало восстаний в Ферганской долине и Андижанское восстание 1898 г. вызвали большую тревогу властей, засомневавшихся в правильности курса Кауфмана на «игнорирование ислама». Генерал-губернатор С.М. Духовской (1898 – 1 января 1901 г.), прибывший в край после подавления Андижанского восстания, представил царю специальный всеподданнейший доклад «Ислам в Туркестане», который содержал анализ причин неудачной религиозной политики российской власти в Туркестане. Он писал, что ислам глубоко враждебен христианской культуре и потому «исключает всякую возможность полного нравственного ассимилирования с нами наших нынешних подданных мусульман» (ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 196, л. 7). Далее следует вывод о том, что «дальнейшее игнорирование мусульманства представляется не только нежелательным, но и невозможным» (ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 196, л. 7).

С.М. Духовской предложил выработать план отношения к исламу, включавший в себя упразднение всех мусульманских духовных управлений и передачу их функций центральному управлению.

Под руководством энергичного генерал-губернатора были сформулированы новые принципы конфессиональной политики в регионе: 1) устранение зависимости местного духовенства от заграничных и российских очагов ислама; 2) ослабление влияния суфизма на духовную жизнь туркестанских мусульман; 3) устранение возможности использования вакуфных средств для антиправительственной пропаганды; 4) внедрение европейского начала в программы мусульманских школ.

Созданная С.М. Духовским Комиссия предлагала учредить в Туркестанском крае муфтиат, который бы управлял религиозными делами мусульман. За контроль над действиями мусульманского духовенства высказался и военный министр А.Н. Куропаткин. Однако все эти предложения остались нереализованными из-за медлительности российской бюрократии. Туркестанская администрация опасалась, что муфтиат может стать центром панисламистской и пантюркистской пропаганды. МВД настаивало на подчинении Туркестана общеимперскому порядку. Военное министерство не хотело терять потенциальное «наместничество». Таким образом, официальный Петербург не признал целесообразным создание муфтиата в Туркестанском крае. Все попытки организовать государственное управление туркестанскими мусульманами оказались тщетными. «Игнорирование ислама» оставалось генеральной линией конфессиональной политики российских властей в регионе. А излишне активный генерал-губернатор был отозван с должности в 1900 г. 1 января 1901 г. С.М. Духовской скончался.

Российская администрация в Туркестанском крае понимала, что религия является важным фактором общественного сознания, поэтому эффективным средством обеспечения прогресса в изолированном регионе считалось сотрудничество туземцев-мусульман с представителями власти. Правительство Российской империи принимало во внимание то обстоятельство, что социальные и политические проблемы, суть которых оно пыталось донести до населения, могут быть понятны только в том случае, если будут изложены в привычной для него исламской трактовке. Однако появление в Средней Азии все большего количества русских крестьян, которых гнал туда земельный голод, разрушало подобные надежды. Возникали конфликты между поселенцами и местными жителями, имевшие и религиозную окраску.

При проведении переселенческой политики на первом месте для русской власти стояло опасение вызвать возмущение мусульманского населения. Именно поэтому российское правительство не имело какого-либо определенного плана заселения края русскими земле-

дельцами, но действовало рефлекторно, реагируя на вызовы как внутренне, так и внешнеполитические.

13 июля 1889 г. был утвержден и действовал до 1904 г. новый переселенческий закон, главной задачей которого являлось то, что переселения должны быть подчинены администрации и не должны носить самовольного характера. Однако самовольные переселения стихийно продолжались, распространяясь на земли кочевников.

Эти факты способствовали росту недовольства местного населения и помогали религиозным фанатикам распространять призывы к газавату. К тому же нередко были случаи, когда российская администрация рассматривала поселки переселенцев как военные гарнизоны. Среди крестьян зачастую селили и отставных солдат.

По установленному российской администрацией порядку, лицам коренных национальностей не разрешалось обустриваться в русских селах. Это было особенно актуально для густонаселенных областей Туркестана. Власть стремилась максимально оградить переселенцев от контактов с местным населением, вследствие которых могла возникнуть зависимость крестьян от помощи не всегда благодушно настроенных коренных жителей. Безопасность сельчан обеспечивалась российской администрацией и военными силами. Однако фактически между переселенцами и коренными жителями устанавливались хозяйственные и торговые отношения, выгодные обеим сторонам.

За пятьдесят лет русского владычества постепенно происходило взаимовлияние культур коренного и пришлого русского населения. Препятствием тому, несомненно, являлась различная конфессиональная направленность. В 1910 г. ходжентский уездный начальник писал генерал-губернатору: «Сталкиваются на одном поприще две культуры – мусульманская и русская. Первая распространяется повсеместно и располагает значительным преимуществом, заключающимся в общности языка и веры, вторая распространяется только в некоторых местах и, опираясь на помощь и содействие правительственных властей, на первых же порах встречает затруднение в том, что составляет преимущество мусульман. Русские не знают местных туземных наречий и в глазах туземцев являются неверными» (цит. по: Гинзбург А.И., 1990, с. 55).

В то же время именно в этот период отмечались случаи перехода православных в мусульманскую веру. Об этом красноречиво свидетельствует письмо Епископа Туркестанского и Ташкентского Дмитрия на имя туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа А.В. Самсонова от 10 марта 1910 г. (Письмо Епископа Туркестанского... от 10 марта 1910 г.).

И хотя в большинстве своем они представляли собой насильственный характер и были единичны, однако пренебрегать этими фактами не следует.

Тенденция к обострению религиозной ситуации в Средней Азии появилась во время Первой мировой войны. Коренному населению пришлось нести новые тяготы: обязательные поставки мяса, массовая реквизиция скота, увеличение всевозможных сборов. Налоги на местное население с началом войны возросли в 3–4, а в отдельных случаях – в 15 раз.

В таких условиях 25 июня 1916 г. вышел императорский указ «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» в возрасте от 19 до 43 лет включительно. Согласно указу на работы в прифронтовых районах призывались только из Туркестанского края 250 тыс. человек и 230 тыс. человек из Степного края. Указ пришелся на время рамазана и был воспринят мусульманами как святотатство.

Реализация указа была возложена на низовую администрацию, при этом на совещании была выражена полная уверенность в том, что беспорядков удастся избежать. Однако сельские и аульные старосты, которым было поручено составление списков мобилизованных, стали распространять нелепые слухи о том, что набор на тыловые работы – на самом деле скрытая мобилизация на фронт, необходимая для уничтожения коренного населения для того, чтобы заселить их земли русскими. Итогом стало самое мощное восстание периода русского владычества, разразившееся через несколько дней на территории Туркестанского генерал-губернаторства, охватившее затем и Степной край.

Восстание развернулось в девяти областях с более чем 10-миллионным населением. В Семиреченской области, где русских переселенцев обосновалось больше, чем в других местах, в августе–сентябре 1916 г. разразилась настоящая война между местными жителями и русскими поселенцами. Здесь было больше всего потерь как со стороны русских, так и со стороны местного населения. Восстание изначально приобрело отчетливые антирусские черты. Восставшие жгли хутора, убивали семьи переселенцев, казаков, рабочих. В результате солдатам правительственных войск пришлось защищать русских поселенцев от аборигенов, а последних – от русских крестьян. Показательно, что в сложной ситуации мусульманское духовенство не поддержало восстание и сохранило лояльность царскому правительству.

Крупнейшее восстание среднеазиатских мусульман против русской власти было подавлено, а всю вину за него центральная админист-

рация возложила на администрацию края. Были сняты с должностей генерал-губернатор Ф.Г. Мартсон и четыре из пяти военных губернатора.

Новый туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, хорошо знавший край, провел расследование причин восстания. В отчете, отправленном Николаю II, он указал, что одной из причин беспорядков была массовая конфискация земель у туземцев. По его мнению, причины были следующими: неправильные приемы управления; частая смена представителей власти и их незнание местной специфики; малочисленный и плохо материально обеспеченный состав должностных лиц; отчуждение земель местного населения под русские селения; неверная переселенческая политика российской власти (Восстание 1916 г. ..., 1960, с. 81–82).

Таким образом, отсутствие четкой религиозной политики и плана русификации Туркестана привели к тому, что действия русской власти были импульсивными и противоречивыми.

Для Российской империи, кроме геостратегических и прочих завоеваний туркестанской территории, очень важным явилось то, что она вошла в первый серьезный контакт с исламским миром. Если раньше русские имели дело с периферией мусульманского сообщества, то теперь они встретились с центром, где формировался облик ислама. Безусловно, это оказало влияние на интеллектуальный, духовный и философский склад русской мысли. Именно с этого времени начинается развитие востоковедения как науки. Русские востоковеды создают собственные богатейшие хранилища восточных рукописей, ведут серьезнейшую исследовательскую работу. К началу XX столетия Россия лидирует в освоении исламской культуры.

Однако религиозная политика Российской империи в Средней Азии была далека от русификаторской: ислам не испытывал практически никаких притеснений и даже ограждался от притязаний некоторых администраторов и военных. Итогом ненасильственных форм воздействия стало создание условий для постепенной эволюции сознания мусульман при сохранении традиционных исламских ценностей и институтов. Несмотря на попытки отдельных чиновников и политиков ограничить влияние исламских догм на население, на практике преобладала тенденция российского правительства лишь к унификации управления на всей территории империи. В итоге толерантность русских к традициям чужих, мусульманских этносов привела к почти полному отсутствию в политике русификации Туркестана религиозного компонента.

Изучение опыта сосуществования христианской и мусульманской религий в пределах одного государства, учет опыта и ошибок совместного проживания, анализ фактов, способных привести к про-

явлению негативных тенденций представляют собой особую ценность в современных условиях. Туркестанский край до определенного времени являл собой пример гармоничного и мирного сосуществования православных и мусульман. Однако этот же регион наглядно показывает, как власти своей неадекватной политикой могут оказывать самое негативное влияние на религиозную ситуацию.

S.N. Brezhneva

**TOLERANCE IN RUSSIAN MANNER:
FROM THE HISTORY OF ADOPTING THE RELIGIOUS
POLICY BY THE RUSSIAN EMPIRE IN TURKESTAN**

Interfaith relations in the territory of the unitary state have always been in the public eye. This issue is particularly relevant at the present time, when the Islamic fundamentalism is under the real threat. Therefore, the experience of coexistence of the two world religions – Christianity and Islam – within a single state acquires a special significance. The article contains the analysis of the religious policy of the Russian Empire in the Turkestan region. Over a period of the existence of the Turkestan Governorate General (1867–1917) religious policy of Russian authority, in fact, did not change, being focused on the concept of "ignoring Islam", advanced by the first Turkestan Governor-General K. P. von Kaufman. Under his receivers' rule a shot of revising the religious policy was taken many times, but any radical steps did not follow. The author comes to a conclusion that the lack of flexibility in the interfaith relations from the Russian administration, was the reason for the radicalization of mass unrest onsite the region, which had religious overtone, that led to the most powerful rebellion of Turkestan Muslims in 1916.

Key words: Turkestan Governorate General, the Russian Empire, Islam, religious policy, "ignoring Islam", Andijan uprising of 1898, the rebellion of 1916.

Библиографический список

- Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сб. док. М., 1960. 786 с.
Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. М., 1990. 212 с.
Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. №9. С. 130–141.
Письмо Епископа Туркестанского и Ташкентского Дмитрия на имя Военного губернатора Семиреченской области А. Самсонова от 10 марта 1910 г. за №294 // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1059397440>.
Полное собрание законов Российской империи. 1886. Т. VI, №3814.
Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. СПб., 1888.
Сальков В.П. Андиганское восстание в 1898 г. Казань, 1901. 69 с.
Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995. 236 с.
Хорошкин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. 360 с.